

18+

ОЛЬГА И НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВЫ

ТАЙНЫ САДОВОГО СЕЗОНА

Ольга и Наталья Семеновы

Тайны садового сезона

«Издательские решения»

Семеновы О.

Тайны садового сезона / О. Семеновы — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-604884-3

Средний Урал, наши дни. Сегодня коллективный сад — просто сообщество горожан, проводящих время за городом. Сообщество это небольшое, но со своими подводными течениями, интригами и женскими «разборками». Две девушки, Сабира и Катерина оказываются участницами загадочных событий в одном из коллективных садов. Девушки, также как и их родственницы когда-то (роман «Исчезнувший клад») принимаются за расследования. Им приходится раскрыть несколько убийств и заняться поисками уральских сокровищ.

ISBN 978-5-00-604884-3

© Семеновы О.
© Издательские решения

Содержание

Тайны садового сезона	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тайны садового сезона

Ольга и Наталья Семеновы

© Ольга и Наталья Семеновы, 2024

ISBN 978-5-0060-4884-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тайны садового сезона

Все совпадения имен и названий – случайны

Пролог

«Сперва эти места и обживали богатыри, они, конечно, на людей походили, только сильно большие и каменные. Такому, понятно, легче: зверь его не загрызет, от оводу вовсе спокойно, жаром да стужей не проймешь, и домов не надо.

За старшего у этих каменных богатырей ходил один, по названию Денежкин. У него, видишь, на ответе был стакан с мелкими денежками-фигурками из всяких здешних камней да руды. По этим рудяным да каменным денежкам тому богатырю и прозвание было.

Стакан, понятно, богатырский – выше человеческого росту, много больше сорока ведерной бочки. Сделан тот стакан из самолучшего золотистого топаза и до того тонко да чисто выточен, что дальше некуда. Рудяные да каменные денежки-фигурки насквозь видны, а сила у этих денежек такая, что они место показывают...»

Глава 1

В конце июня наконец-то наступило настоящее лето. На Урале так часто бывает – зима почти сразу переходит в жаркое лето. Весна, вместо положенных трех календарных месяцев длится от силы пару недель, а потом сразу на уральцев обрушивается жара. Так случилось и в этом году, и счастливые обладатели садов потянулись из города на свои дачно-садовые участки. А те, кому повезло меньше, всю использовали своих родственников и знакомых с дачами.

Сабуре повезло – у ее тетки, Майи Нургалиевны, имелась дача в коллективном саду недалеко от Екатеринбурга. Причем тетка жила на своей даче круглый год. У нее была своя квартира в городе, но они с мужем ее сдавали, получился и дополнительный доход, и со здоровьем на свежем воздухе у обоих стало лучше. Своих детей у них не случилось, и поэтому родную племянницу они всегда привечали. Вот и в этом году Сабира первый месяц своих студенческих каникул проводила у тетки. А чтобы она не заскучала, она приехала со своей ближайшей подругой – Екатериной. Тетя не возражала – дом и участок большие, и места хватало всем.

Утро стояло просто замечательное – тихое и нежаркое, как это иногда бывает летом, поэтому позавтракать решили в беседке, которую недавно купили в Меге. Беседку выбрали в виде шатра и с москитной сеткой. Накануне хозяин дома поставил в нее плетеную мебель: стол и несколько кресел. Еще рано утром Сабира успела сбегать в соседний коллективный сад за горячим армянским лавашем. Недавно там, рядом с домиком сторожа, купили дом армяне, поставили печку и пекли на продажу вкуснейшие лаваша, лепешки и расстегаи, правда, немного дороговатые. Покупали их жители всех окрестных садов. Кроме лаваша, на столе стояла ранняя клубника, деревенский творог, кофе, сливки, сыр, масло, яйца и, конечно, овсяная каша. У Майи Нургалиевны был пунктик: на завтрак на столе всегда должна стоять каша, потом весь день можете есть, что хотите, но каша на завтрак – обязательно.

За столом в беседке сидели втроем: сама хозяйка, племянница Сабира и ее подруга Катерина. Муж тетки работал, не смотря на то, что сегодня суббота, значилась его смена.

Сабира получила свое красивое имя в честь бабушки по материнской линии. Говорят, что все самое хорошее и плохое обязательно передается через поколение. Внучка действительно уродилась точной бабушкиной копией: взрывной, склонный к авантюрам характер, и красивая броская внешность. Сабира могла с успехом представлять татарочку на фестивале народов мира – черные длинные и прямые волосы, тонкие, чуть удлинненные брови, глаза, как угольки, слегка вытянутое лицо и красивая фигура. Но главное, что передалось ей по наследству от бабки – так это удивительное свойство всегда оказываться в гуще событий, которые часто имели таинственную или криминальную окраску.

Катерина дружила с Сабирой с раннего возраста. Их бабки тоже дружили когда-то, проживая в соседних домах, так что стать подругами девушкам написалось на роду. Так получилось, что у Кати по материнской линии все были русские, а по отцовской – евреи. В общем, как говорится, Катерина – настоящая полукровка: в России не русская, в далеком Израиле – не еврейка. Ну и ладно, зато каждый народ одарил Катерину своими лучшими чертами. От русских ей досталась красота, а от евреев – черные волосы и шустрый деятельный характер. Хотя Катюша не считала себя красавицей, когда она глядела на себя в зеркало, ей там почти все нравилось: разве что хотелось слегка подправить курносый носик. Генетика наделила девушку густыми, чуть выющимися волосами и выразительными карими глазами – это в папину породу. От бабушки со стороны папы ей перешла и неумная энергия. Она, как и бабка, любила добиваться поставленных целей и преодолевать препятствия. Родители рассказывали, что Катерина в детстве любила говорить: «Я сама!» В общем, подруги, хорошо подходили друг другу, и даже внешне немного походили одна на другую.

– После обеда никуда не убегайте, – обратилась хозяйка дома к подругам. – Пойдете вместе со мной на общее собрание.

– Какое еще собрание? – удивилась Сабира.

– В последнюю субботу июня в нашем коллективном саду всегда проводится отчетно-перевыборное собрание. Я же тебе уже говорила.

– Да, точно, я забыла. А что, сегодня суббота?

– Суббота, суббота сегодня, – сказала Катя. – А ты кашку-то ешь, не забывай. Я вот уже свою порцию съела, – похвасталась она.

– Это ты, Катя, правильно заметила. Она у нас с детства каши от себя втихомолку отодвигает, – пожаловалась на племянницу хозяйка.

Сабира и правда успела отодвинуть от себя тарелку с кашей и лакомялась свежей клубникой.

– А что нам на этом собрании делать? Мы тут вообще никто, – спросила она.

– В этом саду ни одно собрание не проходит без ругани, – сказала тетка. – Вечно кто-то с кем-то выясняет отношения. Да и молодые вы, память у вас хорошая, если я что не услышу или забуду, вы мне потом напомните.

– А из-за чего в саду можно ругаться? – недоуменно спросила Катя. – Что они, грядки поделить не могут?

– Народ обычно делит деньги или землю, которая дает деньги, – со знанием дела ответила Майя Нургалиевна. – И это увлекательное занятие очень часто заканчивается ссорами.

– Точно, я вспомнила, ты рассказывала, – вмешалась Сабира. – В позапрошлом году ваш сад даже разделился на два лагеря, одни были за председателя, другие – против него. Только я не помню, чем это все закончилось.

– Победили те, которые выступали против председателя, – усмехнулась тетка. – Председателя сместили. Она, правда, попивала у нас, так что нашелся повод, казначейшу тоже сместили. Кстати, они так с тех пор за свои сады и не платят, в знак протеста.

– Разве можно за сад не платить? – удивилась Катя. – За квартиру-то сейчас попробуй не заплати, сразу пени насчитают и электричество отключат, а то и квартиру отобрать могут.

– Ну, сад-то, положим, не отберут, – ответила Майя. – Только нервы потреплют, а сделать все равно ничего не смогут.

– Конфликт – это интересно, – протянула Сабира. – Мы, пожалуй, с тобой сходим, послушаем, что тут происходит.

– Сабира, я все вижу, – неожиданно сказала тетка. – Твоя каша уже на краю стола стоит, и совсем остыла. Но съесть тебе ее придется. Бери пример со своей подруги, у нее тарелка уже пустая.

– Да она тоже не любит овсянку. Глодает, не жуя, – заспорила Сабира.

– Зато я ее всю съела, – отрезала подруга. – И ты ешь.

Сабира вздохнула, пододвинула к себе тарелку, но тут раздался громкий стук снаружи в калитку, и мужской голос крикнул:

– Эй, хозяйка, к вам можно?

– Заходите, открыто! – громко ответила Майя Нургалиевна.

Ворота открылись, и на дорожке, ведущей в беседку, показался крупный пожилой мужчина. Возраст ему явно добавляла пегая седая борода, которая торчала лопатой, и пивной животик, не редкий для мужчин в наше время. Несмотря на его чисто русскую внешность, на голову мужчина водрузил вышитую восточную тюбетейку, непонятно, татарскую или узбекскую.

– Это наш сосед по улице Юрий Владимирович, – вполголоса проговорила подругам хозяйка дома. – Мы завтракаем, садитесь с нами, – уже громко обратилась она к соседу.

– Я у себя только кофе пил, так что от завтрака не откажусь.

– Кашу овсяную будете? – коварно предложила Сабира.

Катя фыркнула в тарелку, Майя улыбнулась, а Юрий Владимирович, не раздумывая, отказался.

– Нет, хотя сейчас все увлекаются кашами на воде по утрам, толкуют про какие-то длинные углеводы, я к числу этих любителей новомодных диет не принадлежу. Придерживаюсь мнения, что все в человеке определено его натурой от рождения, и резкие вмешательства не нужны.

С этими словами сосед уселся за стол, сделал себе большой бутерброд с сыром, налил кофе со сливками и начал с аппетитом завтракать.

– Юрий Владимирович, вы в нашем саду все знаете. Какие новости? – обратилась к нему Майя Нургалиевна.

– Вы на собрание придете? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Конечно, приду. Я еще и девчонок с собой приведу. Пусть тоже послушают, им полезно будет.

– А что? Хорошая мысль! Молодежь нам на собрании нужна. Нам надо разобраться с проблемой председателя раз и навсегда. А то у нас с ними последние несколько лет настоящая чехарда. Нам нужен надежный, ответственный, умудренный опытом человек. И уж, конечно, простите меня, дамы, это должен быть мужчина. Женщина такое дело не потянет.

– Может, вы бы согласились в председатели пойти, – предложила Майя Нургалиевна. – Вы же здесь и живете почти круглый год.

– Я бы не отказался, – сразу ответил сосед. – Но ведь не за такие же гроши, которые мы платим председателю сейчас! – с возмущением сказал он.

– А за какие? – немедленно спросила любопытная Катя. Как будущая журналистка, она привыкла уточнять все детали.

– Сейчас наша председательница получает пять тысяч рублей в месяц, – начал рассказывать Юрий, не забывая поглощать бутерброды вперемешку с клубникой. – Я считаю, что это вообще не деньги, даже МРОТ у нас на Урале сейчас одиннадцать тысяч рублей стал.

– Так ведь за год-то получается целых шестьдесят тысяч, – вставила Майя Нургалиевна.

– Ну, так и работы здесь много, и зимой тоже надо работать. Одни должники чего стоят. Я думаю, что надо платить председателю в несколько раз больше. Даже наша сторож Надя получает в два раза больше председателя.

– Я здесь не так давно живу, но заметила, что тут все время какие-то дразги. И я не понимаю, зачем нам снова переизбирать председателя? Мы же ее только в прошлом году выбрали.

– Да потому что наши бабы в правлении опять между собой переругались. Вот я вам и говорю: председателем надо мужика ставить. Вот Игорь два года работал председателем, и все нормально было. Но он сам ушел – кто за такие деньги будет вкалывать? Особенно молодой мужик, – с воодушевлением вернулся к своей любимой теме Юрий Владимирович. – Кстати, в соседних садах то же самое происходит, что и в нашем «Шахтере».

– А что происходит в соседних садах? – тут же встряла Сабира.

– Да в «Южном» председатель вконец проворовался, в «Архитекторе» казначей воду мутит. А вот в «Буровике» председатель все делает как надо. Они ему платят хорошо, и он держится за свое место.

За этими разговорами незаметно все со стола оказалось съедено, и Майя Нургалиевна стала подниматься из-за стола, чтобы убрать посуду.

– Да, хотел вам сказать, – неожиданно хлопнул по столу Юрий. – Я за этим к вам и пришел. Говорят, а Арамиле маньяк объявился.

– Маньяк? Какой еще маньяк? – забеспокоилась Майя Нургалиевна. – Ничего мы не слышали.

– Говорят, что уже было две жертвы. Обе женщины пожилые, пенсионного возраста, их нашли мертвыми на окраине Арамиля, ту и другую ударили по голове.

– Пенсию что ли отбирают? – испуганно предположила Майя.

– Официально никаких сообщений нет. Но народ просто так болтать не будет, – многозначительно ответил Юрий Владимирович.

– Сабира, Катерина, никаких вечерних прогулок! – сразу же строго сказала тетка.

– Мы же не пенсионерки, – сразу же возмутилась Сабира. – И потом, мы же вдвоем везде ходим. А Арамиль от нас далеко.

– Ничего не знаю. Я за вас перед вашими родителями в полном ответе.

– Береженого Бог бережет, – назидательно произнес Юрий Владимирович. – Ну, ладно, мне пора. Встретимся на собрании. Обязательно приходите.

Юрий распрощался, вышел за ворота и направился вдоль по улице. Забор на участке Майи Нургалиевны стоял совсем невысокий, и в этом имелось огромное преимущество – хозяева могли видеть всех проходящих мимо людей.

Катя, Сабира и ее тетка стали мыть посуду после завтрака.

– А, заметьте, наш сосед-то пошел не в сторону своего дома, – с интересом отметила хозяйка.

– Ну и что? – пожала плечами Сабира. – Может, у него дела в другой стороне?

– Да нет у него никаких дел, просто ходит и языком чешет, – отмахнулась Майя.

– Он, наверно, пошел агитировать, чтобы его избрали председателем, – проницательно заметила Катерина. – Сейчас это называется «окучивать электорат».

– Не знаю насчет «электората», в мое время говорили «избиратели», но то, что он в курсе всех событий в наших коллективных садах – это точно.

– Тетя, а ты бы хотела, чтобы он стал председателем? По-моему, он просто болтун.

– Он, конечно, много болтает, – согласилась тетка. – Но я бы проголосовала за него, он будет держаться за свое место. У него тут еще и другой интерес есть, кроме денежного.

– Какой интерес?

– Машины. Видели в начале нашей улицы два грузовика и одна старая «Волга» стоят?

– Ну, да. Мы видели какие-то две допотопных «каракатицы», которые заняли почти весь проезд и разбитую «Волгу», – вспомнила Катя. – Только они, по-моему, не на участке стоят, а прямо на дороге.

– Слышал бы Юрий Владимирович, как вы его любимые машины называете! – усмехнулась тетка Сабиры. – Он же бывший шофер-дальнобойщик, и эти машины – его гордость. Он хочет их отремонтировать и продать.

– Да кому они нужны? – с презрением фыркнула Сабира.

– Он думает, что продаст.

– А при чем здесь председательство? – вернулась к теме Катя.

– Прошлый председатель велела ему убрать машины, и дала срок – до лета. Вот и лето настало, а машины как стояли, так и стоят. Ей сейчас не до его машин, у нее разборки с нашим казначеем, а Юра, если станет председателем, машины свои тут навечно оставит. Впрочем, мне-то все равно, мы с мужем на машинах не катаемся, а вот другие соседи недовольны.

Хозяйка и ее гости убрали в дом посуду и занялись каждая своим делом. Катя с Сабирой прекрасно провели время до обеда во двореке в шезлонгах. С утра солнышко еще не так кусалось, как днем, и загоровалось лучше, чем в любом солярии. Майя Нургалиевна хлопотала по хозяйству, от помощи подруг она отказалась – привыкла хозяйничать в своем доме одна.

Почему-то собрание садоводов всегда назначают в самое неудобное время – в два часа дня. Как говорится: ни то, ни се – в это время нормальные люди как раз обедать садятся.

Поэтому Майя Нургалиевна с девушками перекусили на скорую руку, и отправились к дому сторожа, где всегда проходили коллективные сходки садоводов.

Домик сторожа стоял у самого въезда в коллективный сад «Шахтер», рядом с железными воротами, или вернее, с тем, что от них осталось. Много лет обязанностью сторожа считалось открывать ворота в сад рано утром, и закрывать их на ночь глядя. Но несколько лет назад ворота перестали закрываться, а потом их украли и, скорее всего, сдали на металлолом. «Кражу века» под покровом ночи наблюдала только собака сторожа, которая всегда сидела на привязи, с высоты крыши своей будки, и обтягивала каждого, кто заходил или заезжал в сад. Однако в ту злополучную ночь она даже ни разу не гавкнула. Просто утром сторож проснулась, а ворот уже нет. Сначала хотели купить новые или поставить шлагбаум у въезда в коллективный сад, но постепенно все привыкли к отсутствию ворот и успокоились.

Домик сторожа был небольшой, деревянный, и достаточно старый, он стоял на пригорке и, если бы его отремонтировать и покрасить, смотрелся бы очень неплохо. Каждый новый председатель обещал обновить или отремонтировать этот дом, но председатели менялись так часто, что все это оставалось только в планах. На задах дома раскинулась большая поляна, на которой обычно и проводились общие собрания садоводов. На поляну ставили колченогий стол для председателя и секретаря, пару стульев, несколько скамеек. Остальные размещались, кто и где найдет место: на небольших бревешках, деревянных колодах, кто-то приносил с собой переносные раскладные стульчики и табуретки, некоторые даже с комфортом располагались на пластмассовых стульях. Часто на деревянные колоды клали доски и закрывали их сверху покрывалами, на них-то и садилось большинство садоводов.

Когда Майя Нургалиевна и ее племянница с подругой подошли к домику сторожа, на поляне уже собралось много народу. Все места в тенечке у стены дома оказались заняты, и им пришлось сесть на самом солнцепеке на лавку. Сабира предусмотрительно взяла с собой панамки на голову. Люди все еще подходили, Майя здоровалась со знакомыми, а Катерина с подругой с любопытством оглядывались по сторонам.

Вокруг поляны и между импровизированными скамейками с восторгом носилось несколько псов. Они походили друг на друга, как две капли воды, все чистокровные дворяне (в смысле, дворняги), и ростом с хорошего теленка. Сосчитать их не получалось, но примерно три-четыре хвоста все время мелькали между людьми. К людям они испытывали явный интерес, но большинство женщин их боялось. Собаки – это предмет гордости сторожихи Надежды. Она им всегда потакала, редко привязывала, и они носились по всему коллективному саду, пугая женщин-садоводов и топча их грядки. А ночью собаки переговаривались на всю округу, их беседы длились иногда почти до ута на «радость» всем дачникам. Ежемесячно сад выделял на содержание собак деньги, и соглашался кормить не более двух собак, но Надежда постоянно увеличивала их поголовье, что приводило к серьезным спорам. Сейчас, под неодобрительные взоры женские взоры, она пыталась увести своих любимцев и посадить на цепь, но те упирались всеми частями тела: лапами, хвостами, ушами и при этом тихо поскуливали.

Катя и Сабира, к счастью, собак не боялись, поэтому с увлечением наблюдали за происходящим. Особое внимание собаченции почему-то испытывали к женщине, которая одиноко сидела за краешком стола председателя, перед ней лежало несколько листов бумаги и ручка. Майя Нургалиевна вполголоса сказала, что это – секретарь правления, которая обычно пишет протоколы собрания. На женщине высилась белая панама с широкими полями, темные очки, а из-под широких полей панамы выглядывал острый носик. Дама выглядела худенькой и всей какой-то съежившейся, как будто старалась занять как можно меньше места. Не смотря на это, собаки почему-то вились именно вокруг нее и порывивали. Может, потому, что она их боялась. В конце концов, Наде удалось поймать своих собак, вывести их с поляны и посадить на привязь в дальний сарай, откуда они тоскливо принялись наблюдать за людьми. Все вздохнули с облегчением.

– А кто тут у нас председатель? – раздался рядом с Сабирой женский голос.

– Ты что, нашу председательницу не знаешь? Ирина ее зовут, вон она стоит в большой белой шляпе, украшенной цветами, – ответила Майя Нургалиевна.

– Да я на прошлое собрание не ходила, и зимой сюда не ездила, а летом в глаза нового председателя не видела.

– Она живет на нашей улице, третьей, поэтому мы с ней знакомы.

– Ну, и как она вам?

– Как соседка – нормальная, а как у председателя – что-то у нее не пошло.

– Слышали, в соседнем саду за сотку платят в два раза больше чем у нас? – встряла в их разговор пожилая женщина, на куртке которой красовалась надпись «Уралмашзавод». Когда-то, очень давно, она сама работала председателем сада «Шахтер», и поэтому всегда интересовалась садовыми делами и знала, что происходит вокруг.

– Да вы что? – удивилась женщина помоложе, которая сидела впереди. Ее звали Аня, она жила тоже на Третьей улице, знала Майю Нургалиевну и поэтому села рядом с ней. – Как бы у нас также не сделали.

Аня дружила с председателем Ириной, и год назад именно она подговорила ее согласиться на это неприятное дело – председательство в коллективном саду.

– Кстати, Ирина хочет отказаться от должности.

– У нас же председатели минимум по два года работают. Нечего их каждый год менять, – сказала пожилая женщина. – Только вошла в курс дела, и бежать.

– А ей и не дали войти в курс дела! – заспорила Аня.

– Кто это не дал?

– Да казначей наша.

– А при чем здесь казначей-то?

Но их увлекательный разговор неожиданно прервался на самом интересном месте мужским воплем из задних рядов:

– Давайте начинать собрание! Хватит ждать!

Сабира оглянулась. Кричал пожилой мужчина, пристроившийся у всех за спинами, видимо, заслуженный садовод.

К столу, за которым сидела секретарь, вышел мужчина средних лет, невысокого роста, коренастый, с добродушным выражением лица. Гул на поляне стих, и все стали слушать, что им скажут. Садоводов собралось примерно человек пятьдесят, третья часть от положенного по списку, но больше никогда и не собиралось.

– Внимание! Начинаем собрание!

– А вы кто? Представьтесь! – попросил с места звонкий женский голос. – Вы же не председатель, насколько я знаю.

– Меня зовут Владимир Анатольевич. Я – старший Третьей улицы. Ко мне обратился правление и попросило меня провести сегодняшнее собрание. Возражения есть? Голосовать будем?

– Нет возражений. Ведите собрание, – раздался выкрики.

– Оглашаю повестку: отчет председателя сада, отчет казначея, отчет ревизионной комиссии, разное. Если хотите обсудить еще какие-то вопросы, подавайте их в письменном виде секретарю, мы потом обсудим.

Под общими взглядами секретарь сжалась еще больше и, казалось, попыталась спрятаться под свою панамку.

– Тогда слово предоставляется председателю сада.

Такого отчета председателя в коллективном саду «Шахтер» за последние двадцать лет не было ни разу. Ирина Васильевна, женщина чуть за пятьдесят, высокая, выглядывающая из-под широких полей белой ажурной шляпы, которую лет двадцать назад все советские жен-

щины носили на юге, как символ отдыха и признак благополучия, вышла вперед и решительно заявила:

– Я председателем быть отказываюсь, мне хватило года. Я работать не смогла, потому что мне не дали. Рассчитываться своим здоровьем я не намерена. Если у вас есть вопросы, задавайте, я попытаюсь на них ответить.

В это время казначей Елена Юрьевна вскочила со своего места, она сидела чуть в отдалении у крыльца дома, и начала размахивать какими-то папками и громко кричать:

– Что я вам говорила?! Сначала пусть отчитается, а потом деньги за работу получит! Нет работы – нет денег!

Садоводы обалдели, такого никто не ожидал. Многие из них, конечно, слышали о разногласиях внутри правления, но чтобы это дошло до такой степени, никто не представлял.

– А что у вас случилось-то? – стали спрашивать с мест.

– Я получила деньги только за два месяца работы, больше ни копейки за весь год! – выкрикнула с возмущением Ирина. – Казначей мне денег не давала.

Тут вмешался Владимир Анатольевич.

– Ирина Васильевна, расскажите нам, что вы сделали как председатель сада. Какие вопросы вы решили? – он явно хотел ей помочь.

Ирина быстрым шагом подошла к казначею, почти выхватила у нее какую-то большую амбарную книгу, раскрыла ее, лихорадочно пролистала и начала зачитывать:

– Протокол от 01.08. сделан ремонт забора со стороны «Буровика». Оплата не потребовалась, выполнено силами садоводов. Протокол от 05.09. рассмотрение вопросов об оплате членских взносов должниками.

– А зачем вы нам какие-то протоколы зачитываете? – закричала пожилая женщина, сидящая рядом с Катей и Сабирой. Чувствовалось, что она разбирается в садовых делах, и что сейчас она явно недовольна. – Нам отчет нужен – что лично вы сделали за год?

– Я же вам сказала – мне не дали работать. Всех документов я так и не видела, ни ведомостей, ни сметы, ни счетов, ничего. Все в руках вашего казначея, – оправдывалась Ирина.

Тут снова встрял Владимир Анатольевич:

– Вы задавайте вопросы Ирине Васильевне, а она будет отвечать!

– Что вы сделали с должниками? – спросила женщина, сидящая напротив стола председателя.

– Вы же сами из правления, что вы у меня-то спрашиваете? – отбивалась председатель. – Что я с ними могу сделать?

– Вы хоть свет-то у них пробовали отключать? – спросила одна из садоводок.

– Так они мне угрожают, мне эти разборки не нужны.

– А с межеванием что?

– Межевание личных участков проведено, а с общими землями все запутано, и я этим заниматься отказываюсь.

– Да, таких отчетов мы еще не слышали, – авторитетно высказался мужской голос. – Вообще ничего не сделала. За что только деньги получала?

– А я и не получала ничего. Мне выплатили только за два месяца.

Тут вперед снова выскочила казначей и громко заявила:

– А теперь послушайте меня!

– Давайте заслушает отчет казначея, – миролюбиво предложил «голубь мира» Владимир Анатольевич. Вообще-то, по порядку следовало поставить на голосование принятие отчета председателя сада. Но это никому и в голову не пришло – оценивать было нечего.

– Да, я не платила ей зарплату. А за что тут платить? – эмоционально начала свое выступление Елена Юрьевна. – Она летом здесь проболталась, получила зарплату, а с зимы исчезла. Я ей звонила, телефон она не брала, я к ней ходила, но в доме никого не застала. А потом она

снова прибежала ко мне за деньгами, и я их ей не выдала. У меня все деньги по счету в кассе лежат, ничего не потрачено. Если собрание примет решение заплатить за такую работу, я ей все до копеечки выплачу. Но, по-моему, платить ей не за что.

Собрание потрясенно молчало. Все с недоумением переглядывались. Конечно, в коллективных садах конфликты происходят часто, и сад «Шахтер» не стал исключением из правил. Но обычно споры возникали между правлением и садоводами. Правление во главе с председателем постоянно повышало членские взносы для садоводов, обожало заставлять людей ходить на общественные работы, повышать цену за электричество, короче, хотело больше денег, ссылаясь на то, что смета не резиновая и на ее исполнение нужны постоянно увеличивающиеся денежные средства. Тут правление, куда входил и казначей, и председатель всегда действовало единым фронтом. Но в этот раз распря разгорелась в самом правлении, между двумя самыми главными людьми в саду – председателем и казначеем. Обычно принято, что казначей подчиняется председателю, но сейчас все стало очень запутано.

Казначей работала в «Шахтере» уже третий год, и никаких претензий к ней никогда не предъявлялось, она всегда полностью отчитывалась за каждую копеечку. А председатель Ирина – человек в саду новый, да и правда, весь год ее работы никто не видел. Она никак не послужила обществу садоводов, и им это не понравилось. Собрание снова недовольно загудело.

– Зачем нам такой председатель, которая весь год ничего не делала? – громко выкрикнула одна из бывших председательниц сада, женщина достаточно преклонных лет, она периодически вскакивала со своего места и, опираясь на свою клюку двумя руками, энергично высказывалась. – Не телилась, не мычала, а деньги подавай!

– Денег-то она как раз и не получила, – первый раз заступилась за свою подругу Аня, которая год тому назад и сблатовала Ирину вляпаться в председательство.

– Год прошел – и, до свидания, девочка! – продолжала вещать дама с клюкой.

– Подождите вы тут бегать, – решил вернуться к своим обязанностям председателя собрания Владимир Анатольевич. – Она же что-то делала. И потом, если Ирина Васильевна обратится в суд, а у нее нет по работе никаких взысканий, мы будем должны заплатить ей не только зарплату, но и судебные издержки.

Люди немного приутихли, и в этой тишине мужчина продолжил.

– Давайте тогда вернемся к нашей повестке дня и заслушаем отчет казначея о проделанной работе.

Елена Юрьевна привычно встала перед собранием, открыла смету и со знанием дела прошлась по всем ее пунктам. Она отчитывалась не первый раз, и все у нее с деньгами всегда оказывалось в порядке. Она понимала, что, кроме нее, никто здесь ничего не понимает, а значит, и вопросов задавать особо не будут. А если и будут, то она на любой вопрос спокойно ответит. Закончила она свой отчет словами:

– В кассе у нас осталась зарплата председателя. Это на ваше усмотрение. Ирина Васильевна получила десять тысяч за два месяца своей так называемой работы, – слово «называемой» казначей произнесла с особым ударением.

– Будем голосовать за работу казначея? – спросил Владимир Анатольевич у собрания.

– Нет уж, давайте, как положено, заслушаем сначала отчет ревизионной комиссии, – послышался всем знакомый очень тихий голос. Это высказалась Маргарита Тихоновна, которой недавно перевалило за 85-летний рубеж, и она входила в состав ревизионной комиссии уже почти тридцать лет. Но последние два года ее стало подводить здоровье, и она попросила снять с нее эту почетную, но тяжкую обязанность. Однако Маргарита Тихоновна продолжала ходить на все собрания, обожала выступать, и доводила своими монологами о садовых финансах участников собрания до белого каления. Эти ее выступления длились по часу, и к концу

этого срока все переставали понимать, о чем она говорит, и все просто мечтали, чтобы это закончилось. В саду ее ласково называли «черепахой Тортиллой».

– Хорошо, тогда слово предоставляется ревизионной комиссии.

Вперед вышла Лена, подруга Елены Юрьевны, и в течение трех минут зачитала заготовленную писульку, согласно которой с финансами все обстояло отлично.

– Давайте голосовать сразу за два отчета, – сказал Владимир Анатольевич.

– Давайте, все в порядке, – закричало несколько мужских голосов. Им явно надоело тут сидеть, когда их ждало более приятное субботнее времяпрепровождение.

– Подождите, – снова раздался вкрадчивый голосок Маргариты Тихоновны. – Отчет слишком краткий. Разве так отчитываются? Надо более подробно осветить все пункты сметы.

Собрание в ужасе замерло. Тут какой-то мужчина зычно крикнул:

– Давайте голосовать! Вперед! Лето заканчивается!

– Голосуем! – громко выкрикнул Владимир Анатольевич. – Кто за то, чтобы принять к сведению отчеты и признать работу казначея и ревизионной комиссии удовлетворительными?

Большинство проголосовало «за», несколько человек воздержались, бухгалтер «Тортилла» и бывшие председатели голосовали против. Они всегда находились в оппозиции ко всему.

– А теперь давайте вернемся к вопросу об оплате работы председателя.

– Казначей права, работы-то не видно, – встряла женщина, сидящая в первом ряду. – Не за что платить.

– Она же пыталась что-то делать, и даже заболела, нельзя так поступать с человеком, – раздался рассудительный мужской голос из задних рядов.

Вообще-то, мужчин среди садоводов нечасто встретишь, и на собраниях они появляются редко, отправляя туда своих вторых половин. Иногда, правда, появляются шустрые молодые люди со своими интересами, например, сделать дорогу к своему участку на общественные деньги, выкопать скважину рядом со своим домом или разобраться с соседями с помощью правления. Но, поскольку из этого, как правило, ничего не выходит, такие «мальчики» вскоре перестают приходить на любые общественные собрания.

– Я предлагаю заплатить половину зарплаты Ирине Васильевне, – предложил Владимир Анатольевич. – Все-таки она работала, несла груз ответственности, так сказать, занималась делами сада. Половину от причитающейся суммы надо заплатить. И вопрос этот закрыть.

Ирина Васильевна заулыбалась, Елена Юрьевна скривилась. Но большинство собравшихся одобрило предложение. Председателю постановили выплатить половину суммы – еще двадцать тысяч рублей.

– И у нас остался последний вопрос – выбор правления и председателя сада.

– Опять новый председатель, – зашушукались все. – Да что же это такое-то!

Казначей Елена Юрьевна встрепенулась и заявила:

– Галина, – обратилась она к женщине в первом ряду, – ты так хорошо помогала мне работать весь год, особенно в последний раз, когда надо было приготовить дорогу и проверить линии электропередач! Между прочим, если бы не Галя, весь наш сад остался бы без электричества.

– А что случилось?

– Со стороны дороги выросли высокие деревья и их ветки стали задевать провода. Пожарная нам дала предписание, чтобы мы срубили все ветки. Председателя сада я так и не смогла разыскать, – не удержалась казначей от шпильки в сторону Ирины. – Из правления нашла только Галину. И она все организовала: машину, рабочих. Так что в председатели сада она очень хорошая кандидатура. Галина Вячеславовна, встань, пожалуйста, и покажись всем.

Женщина встала со своего места и, явно засмущавшись, принялась отнекиваться.

– Ну что вы, я никогда и не хотела быть председателем всего сада, а с ветками у меня случайно получилось.

Хотя она изо всех сил и отказывалась, было явно видно, что это предложение ей понравилось, и она хочет согласиться.

Сабира с удивлением посмотрела на свою тетку и вполголоса ей сказала:

– А чего Юрий Владимирович молчит? Он же сам хотел стать председателем. Все уши нам утром прожужжал.

Тетка оглянулась на Юрия, но тот сделал вид, что его все происходящее не интересует, и он вообще никогда не упоминал о том, что хочет быть председателем сада. Майя Нургалиевна пожала плечами и ответила:

– Не знаю, может, он успел передумать. Все-таки должность председателя хлопотная, а зарплата маленькая.

Тем временем казначей уговорила эту женщину стать председателем сада, и все с облегчением начали подниматься со своих мест, считая собрание закончившимся.

– Подождите! Подождите, не расходитесь! Мы еще не закончили! – принялся останавливать уходящих председатель собрания. – Послушайте еще одно сообщение, – он прокашлялся. – В местных новостях передавали, что в Арамиле, возможно, действует маньяк. Якобы за последний месяц уже было совершено два нападения на женщин-пенсионеров. Подробностей не сказали.

– Арамиль – это же далеко от нас, – произнес один из садоводов.

– Не так уж и далеко, километров двадцать всего-то будет, да и автобусы регулярно ходят, – вмешалась казначей. – Товарищи садоводы, будьте осторожны, особенно по ночам.

– Это нашего сторожа касается, пусть по вечерам по улицам с обходом ходит, и обращает внимание на всех незнакомых людей. Надя, ты слышишь? – сразу приступила к своим обязанностям новая председательница.

Людей на собрании оставалось все меньше и меньше, и Владимир Анатольевич понял, что пора заканчивать, иначе скоро он будет говорить перед пустыми скамейками. Довольная Ирина с подругой Аней под шумок уже давно улизнули, остались только члены правления, секретарь и Галина, новая председательница сада.

Майя Нургалиевна, Сабира и Катерина тоже отправились домой.

За всеми этими разговорами и походом на собрание незаметно наступил вечер, дядя Сабиры вернулся с работы из города. После ужина все собрались на веранде, пораскрывали все окна и стали заниматься своими любимыми делами. Тетка вязала, а подружки глазели в окна. Дом находился на небольшом пригорке, и сверху вся округа отлично просматривалась.

Конец июня – как раз такое время, когда на Урале сумерки наступают очень поздно, около двенадцати ночи, а к трем утра уже бывает светло. Поэтому жизнь вокруг не затихала до полуночи. Садоводы ползали по своим участкам, многие просто прогуливались по улочкам сада, ходили кормить уток на садовый пруд, собачники выгуливали своих питомцев.

В последнее время у Сабиры с Катериной появилась привычка: сидеть на балкончике поздно-поздно вечером, уже в сумерках, не зажигая света, и наблюдать за жизнью в округе. Особенно им нравилось смотреть, как зажигаются солнечные лампы на соседних участках. Двух-этажный дом Майи Нургалиевны стоял на высоком месте, и поэтому обзор у подруг открывался шикарный. За весь день лампы заряжались солнечным светом, и с наступлением темноты, ярко загорались, отбрасывая на землю вокруг себя ажурное сияние. Такие лампы стояли почти на каждом участке: кто-то делал из них дорожки, кто-то украшал ими клумбы с цветами, а у кого-то они просто в беспорядке расставлялись по земле. Из общей картины света выбивался только один участок – маленький домик через улицу чуть правее от дома тетки Сабиры.

Коллективный сад «Шахтер» находился недалеко от Екатеринбурга, и многие горожане переезжали сюда на постоянное место жительства, особенно люди из области. В «Шахтере» развернулось большое строительство, почти каждый год на участках появлялись новые дома из камня, блоков, оцилиндрованного дерева. Дома люди строили большие, капитальные, в них жили даже зимой, и в самом саду оставалось все меньше и меньше просто дачных домиков, в которые люди приезжали только летом или на выходные. И как раз этот маленький домик больше других походил на дачный.

Небольшой, сделанный из не очень качественных, почти бросовых, досок, одноэтажный, когда-то покрашенный ярко-зеленой краской, но сейчас уже выцветшей, с крошечным крыльцом, он стоял в самой глубине участка, и почти полностью скрывался от глаз разросшимися яблонями. В конце июня яблони уже отцвели, и весь дом закрывала изумрудная июньская листва. На всех участках, кроме этого, до поздней ночи, а иногда и до утра, копошились садоводы: ставили мангалы под шашлыки, на верандах и в беседках горел свет, подъезжали и отъезжали машины, загорались костерки. Но на этом участке с зеленым домиком всегда царили покой, темнота и тишина.

Катерине очень нравился этот маленький домик, он казался ей сказочным и немного таинственным. Катя в детстве очень любила читать сказки, и сейчас ей казалось, что именно в такой домишко в лесу могла забрести Белоснежка или Спящая Красавица и повстречать там гномов. Дом хорошо виднелся из окна спальни девушек на втором этаже, и ночью, когда Катерина просыпалась, она часто отдергивала занавеску на окне и взглядывала на свой любимый домик – он всегда выглядел таинственным и необитаемым.

– Сабира, а ты хотела бы жить за городом на даче? Ну, или в деревне?

– Нет, – ни на секунду не задумавшись, ответила та. – Я – типичный городской житель.

– А почему? Ты же у тетки своей живешь. И, по-моему, тебе нравится. Здесь хорошо.

– В доме за городом хорошо жить летом, когда тепло. А зимой и осенью здесь просто тоска смертная, делать абсолютно нечего. И потом, я же тут в гостях живу, ни за что не отвечаю, и на всем готовом.

– Твои же тетя с дядей живут.

– Они всегда мечтали жить за городом в большом доме.

– А я иногда думаю, что в своем доме жить совсем неплохо, например, в современном коттедже, – задумчиво произнесла Катерина.

– Ну, в коттедже, может, и неплохо жить. – После паузы Сабира добавила: – Но я все равно считаю, что в своем доме надо жить где-нибудь на юге. Или за границей, в Болгарии там или в Греции, чтобы море было рядом.

– Ну, это же очень дорого – иметь дом за границей, – протянула Катя.

– А знаешь, не так уж это и дорого, особенно дом в Греции. Я как-то читала, – оживилась Сабира, – что в Испании и Греции сейчас все побережья застроены новыми домами под продажу или под сдачу в аренду. А покупателей и арендаторов на них нет. Да сейчас хорошая квартира в городе, двушка, например, стоит столько же, сколько вилла в Греции у берега моря.

– Да ты что? Хорошо бы продать квартиру в городе и купить виллу в Греции!

– Боюсь, твои родители на это не пойдут, – рассмеялась Сабира. – Да и мои тоже.

– Да, максимум, что осият мои предки, это тот маленький домик через улицу, – махнула Катерина на дом через улицу и тоже засмеялась. – Давай-ка спать, что-то мы с тобой засиделись, поздно уже.

Подруги улеглись на свои диваны и быстро заснули – впечатлений за день накопилось много. Сабира всегда спала крепко, и ночью редко просыпалась. А вот у Катерины сон был более чутким, к тому же она еще не совсем привыкла жить в новом месте. Поначалу ей особенно мешали спать крики чаек.

Примерно посередине сада «Шахтер» находился порядочных размеров пруд, в котором жили утки, селезни, водяные крысы, иногда даже заводились ондатры. А еще на пруду обитало много-много чаек. В августе они улетали на реку, а в июне выводили своих птенцов, и в светлые июньские ночи кричали почти беспрерывно. Особенно старалась «птица-хохотун», так ее называла Катерина. Ночью, примерно раз в пятнадцать-двадцать минут эта птичка раздражалась воплем, который очень напоминал хохот: «Хо-хо-хо-хо». Майя Нургалиевна говорила, что это тоже чайка, но Катя упорно называла ее «птица-хохотун». Прочие обитатели дома привыкли к этим непрекращающимся воплям, и не обращали на них внимания, но у Кати еще так не получалось, и она часто просыпалась ночью от криков птицы.

И этой ночью девушка неожиданно проснулась от громкого хохота.

– Вот ведь горластая какая! – с досадой пробормотала про себя девушка.

Ее подруга крепко спала и явно ничего не слышала. Катя автоматически отдернула занавеску и выглянула в окно. Стоял предрассветный час, и все соседи уже уgomонились, потушили свои мангалы и костерки, даже солнечные лампы стали светить еле-еле, кругом было темно и как-то по-особенному тихо.

В маленьком домике, заросшем яблонями, горел тусклый свет.

Глава 2

Воробьи расчирикались вовсю. В доме Майи Нургалиевны каждую весну в подкрылках крыши с двух сторон дома селились две воробьиные пары, сначала – одна, а через недельку – и вторая. Дядя Сабиры говорил, что это расселялись подросшие и вставшие на крыло птенцы предыдущих воробьиных семей. Все начиналось с того, что в одном из подкрылков, как правило, в том, который больше находился на солнышке, появлялась парочка влюбленных воробьев, которые начинали таскать туда в бешеном темпе разные веточки, иголки, вату, перышки и другие материалы.

Вскоро по утрам стал раздаваться писк голодных птенцов, и тогда папаша-воробей принимался доставлять туда еду: мошек, разных козявок и червяков. Еще через несколько дней из подкрылков начинали выглядывать несколько маленьких любопытных клювиков и хвостов. Но воробыха-мать бдительно следила за ними и с возмущенным писком заталкивала их обратно в родное гнездо. Еще через несколько дней в другом подкрылке появлялась вторая воробьиная семья, и все повторялось сначала. Уже к середине лета число воробьев увеличивалось до нескольких десятков. Как они помещались в двух гнездах – никто не понимал, но жили они всегда очень дружно – ни ссор, ни разборок не устраивали. В хорошую погоду птички любили сидеть рядом на ограде участка или на электрических проводах. Дядя Сабиры иногда у них в шутку спрашивал:

– Вы что, все наши, что ли? – И воробьи радостно чирикали в ответ.

Но сейчас стоял конец июня, и процесс взращивания птенцов находился в самом разгаре.

Сабира любила просыпаться под журчащий писк воробьев. Она сладко потянулась и резко вскочила с кровати. Она всегда вставала сразу, не нежилась в постели, как другие. Подруга ее еще крепко спала, Сабира подошла к окошку и посмотрела вниз.

Внизу по бетонной дорожке, ведущей вокруг дома, шел серый здоровенный и незнакомый котик. Шествовал он важно, не торопясь, как сказали бы, с чувством собственного достоинства, как будто он здесь чувствовал себя хозяином. Когда девушка пригляделась к коту внимательнее, она разглядела, что в зубах хищник нес добычу – там торчал длинный серый хвостик, явно, мышиный.

«Хорошо, что тетка не видит, – мелькнуло в голове у Сабиры. – Визгу было бы! И котик бы не поздоровилось».

Не смотря на жизнь за городом, Майя Нургалиевна просто панически боялась мышей. Именно этих животных, ни пауков, ни змей, а маленьких симпатичных мышек. Однажды Сабира даже прочитала в каком-то научно-популярном журнале статью, где рассказывалось, что у женщин эта фобия объяснялась генетически. В древние времена, когда женщина оставалась в пещере одна поддерживать огонь и присматривать за детьми, ей приходилось очень часто сталкиваться с крысами и с мышами, которые тогда вырастали до гораздо больших размеров и вели себя агрессивнее. Поэтому страх этот и передавался из поколения в поколения именно среди женщин.

Правда, девушка сомневалась насчет правдоподобности этого объяснения. Лично ей боязнь мышей генетически не передавалась, и она с интересом наблюдала за котом. Тот тем временем дошел почти до их крыльца и в задумчивости остановился. Если бы он находился на своей территории, он оставил бы мышку на ступеньках как подарок хозяйке и демонстрацию своих охотничьих успехов. Но участок был чужой, и кот благоразумно его покинул, прыгнув с изящностью гепарда через георгины, и исчез через дырку под оградой.

«Ну вот, у кого-то уже есть завтрак», – подумала Сабира.

– Кать, вставай, хватит дрыхнуть! – громко позвала она. – Коты уже с охоты возвращаются.

– Какие коты? – сонно пробормотала подруга. – Дай поспать, я ночью часто просыпалась.

– Вставай. Завтрак уже, наверно, готов. Ты же знаешь, что моя тетка придерживается режима по еде.

За завтраком они сидели вчетвером. Сегодня воскресенье, и у дяди Рината выдался выходной день, а это случалось нечасто.

– Ну что, погода шикарная, дождя не обещают, надо нам сегодня куда-нибудь выехать, – предложил хозяин дома.

– А куда?

– Предлагаю съездить в Сысерть. Она недалеко, там красивая река, можно будет на плотину сходить.

– А купаться там можно? – спросила Сабира.

– Можно, конечно, там рядом с плотиной неплохой пляж. Только вода еще, наверно, не успела прогреться, – ответила тетка. – А вообще, по старым приметам лезть в воду можно до того времени, пока в ней олень рога не намочит. А это приходится где-то на начало августа.

– Что это за примета такая? – удивилась племянница.

– Ну, в старину говорили, что если олень подошел к воде, опустил туда голову и намочил рога, все – купаться нельзя!

– Почему? – заинтересовалась и Катерина.

– Да не помню я уже. Запомнилось, что это как-то с русалками связано, что потом они могут и под воду утащить, если человек купаться полезет.

– Значит, решено, едем в Сысерть, – подытожил дядя Ринат.

– Мне надо еще кое-что по дому сделать, – сказала хозяйка.

– Тогда выезд через час. Катя и Сабира тебе помогут.

– Не надо мне помогать, собирайтесь лучше сами.

Собираться подругам долго не пришлось, они быстро надели купальники, взяли полотенца, пледы, шляпки, темные очки и спустились во двор. Тетка еще хлопотала по хозяйству, а дядя Ринат копался у машины – проверял колеса и мотор, и девушки решили просто пройти по участку.

Участок Майи и Рината обращал на себя внимание всех проходящих мимо него людей. Все, кто шел мимо в первый раз, обязательно останавливались и завороченно начинали его рассматривать. В прошлом году в местной печати даже вышла статья с фотографиями, специально посвященная саду Майи Нургалиевны и ее мужа.

Тут действительно хотелось все рассмотреть. Да, на участке стояли все нужные хозяйственные постройки – двухэтажный дом, большая баня, огромная теплица, разные сарайчики. Но находилось здесь и много такого, чего в обычных уральских садах никогда не встретишь.

Основное место, конечно, занимал дом – большой, в два этажа. Но совсем не он составлял главную красоту участка. Рядом с теплицей возвышалась альпийская горка в пять ярусов. На первом ярусе росли можжевельник и цветы: васильки, ромашки, фиалки и ландыши. Особенно хорошо здесь смотрелись разноцветные цветочки портулака, они стелились кружевом по всей поверхности первого яруса альпийской горки. Ярусы отделялись друг от друга большими фигурными камнями и белой декоративной галькой, и на каждом уровне росли разные растения: низкорослые кустарники, карликовые бархатцы и какие-то совсем незнакомые Кате цветы. Особую прелесть альпийской горке придавали маленькие керамические и пластмассовые фигурки домиков, ежиков, грибочков, в беспорядке расставленные по всей горке. Причем ярусы на ней располагались не строго ступенчато, а плавно переходили один в другой, иногда наползая друг на друга. Из-за этого казалось, что горка эта не искусственная, а сама собой выросла в саду.

Рядом с большой альпийской горкой пристроилась маленькая – двухуровневая. Там скромно росла черноплодная рябина и стояла скульптура нимфы с амфорой. Если прислушаться, то казалось, что из амфоры льется тоненькая струйка воды.

За альпийскими горками стояла огромная современная теплица с несколькими отделениями для овощей. Вдоль нее росли большие розовые кусты, которые к большой гордости хозяйки уже начинали цвести. Среди роз пристроилась невысокая античная колонна, служившая подставкой для вазы с цветущими петуниями.

Недалеко от горок расположились ажурные качели – любимое место подружек. Они любили проводить там время с интересной книгой, а тетке нравилось на них подремать и понаблюдать за прохожими, потому что качели стояли рядом с воротами на участок, а ограда была невысокая и ажурная. По бокам от ворот хозяин дома установил кирпичные колонны, с сидящими наверху каждой фигурками девочек-ангелочков. Ворота вели на стоянку для машины, всю выложенную фигурными розовыми и белыми плитками. Площадка под машину обрамлялась газоном с вечнозелеными кустами можжевельника, а вокруг каждого кустарника хозяева выложили японский лабиринт из белой, синей, фиолетовой и зеленой плитки. Это завораживало, хотелось следовать взглядом за линиями из разноцветных камешков и ни о чем не думать. Катя называла про себя это занятие медитацией.

В глубине двора скрывалась еще одна беседка, белая, фигурная, со шторкой в виде нитей. У входа в эту беседку притаились три фигурки из мультика – медведь, Маша и корзинка с пирожками. Катя знала, что из беседки хорошо видна площадка с японским садом камней – увлечение хозяина дома. Посередине этого сада возвышалась скульптура девушки с бронзовым кувшином. Рядом с ней в кустарнике виднелась внушительная фигура разноцветного индийского слона – подарок Майе Нургалиевне на новоселье от родственников.

Вокруг дома вела каменная дорожка, которая разветвлялась на множество мелких дорожек, ведущих к бане, симпатичному сарайчику и туалету в виде теремка. Каждая дорожка была своего цвета и выкладывалась фигурной плиткой и имела по обеим сторонам бордюры из крашеной мелкой-мелкой гальки.

Однако не нужно думать, что сад тети и дяди Сабиры имел только декоративную функцию. Несмотря на явное пристрастие хозяйки к обилию декоративных элементов, здесь не забыли ни об огороде, ни о грядках. За теплицей хозяева выделили около двух соток для огородных посадок, на этом особенно настаивал дядя Ринат. Огородом занимался он сам и посадил туда много видов капусты: брокколи, брюссельскую, цветную и, конечно, обычную белокочанную. Здесь также росло много свеклы, морковки, картошки и зелени. Сам огород отделялся от остального сада длинной грядкой цветных фигурных кирпичей.

Конечно, Катерина и Сабира больше времени проводили не на огороде. Особенно им нравилось разыскивать фигурки и скульптуры в саду. Те специально не прятались, просто некоторые из них не сразу бросались в глаза. Майя Нургалиевна говорила, что фигурок в саду ровно семьдесят семь, и поначалу девушки с энтузиазмом рыскали по участку, пока не нашли и не сосчитали их все.

Каждый год на участке появлялось что-то новое. В этом году у ограды со стороны улицы дядя устроил длинную площадку, выложенную разноцветным кирпичом в виде звезд и ромашек, на которой через каждые два метра высаживались кустарники – сирень, черноплодная рябина и молодой каштан.

- Как у вас все-таки красиво! – восхищенно сказала Катерина подруге.
- Да уж, они стараются. Только сколько времени на это уходит!
- Знаешь, Сабира, мне надо тебе кое-что сказать. Я за завтраком не хотела говорить при всех.
- Рассказывай, что там у тебя.

– Я ночью проснулась, – начала Катя, – уже совсем стемнело, выглянула в окошко, а в том маленьком домике свет горит.

– В каком домике? Ну и что? Мало ли, кто ночами не спит.

– Да нет, я про тот домик говорю, зеленый такой, среди яблонь стоит, помнишь? Там же никогда никого не бывает, ты сама говорила, что это заброшенный участок.

– А-а, я поняла, о каком доме ты говоришь. А какой свет?

– Ну, как будто кто-то с фонариком ходил, свет такой тусклый...

– Наверно, опять бомжи. У нас бывает, что они ночуют в заброшенных домах. Днем их присматривают, а потом там селятся, особенно летом, когда тепло. Садоводам это не нравится, поэтому бомжи от них прячутся. Надо тетке сказать, она сторожу передаст, а та проверит.

– А может, это воры?

– Да там брать нечего, всякий хлам у садоводов лежит.

Их разговор прервал автомобильный гудок – дядя подавал им сигнал к отъезду.

Воскресное утро новой председательницы коллективного сада «Шахтер» началось рано. Накануне она допоздна задержалась у своей приятельницы-казначей, та с удовольствием вводила ее в курс садовых дел. Галина поняла, что ей досталось сложное хозяйство, разные незаконченные дела, которые откладывались годами, и ни один председатель не хотел ими заниматься: общие дороги с другими садами, межевание общих площадей, должники, скважина и еще много чего по мелочи. Особенно женщину заботило то, что зарплата у нее маленькая, а заработается она досыта. Кроме того, на свежий взгляд ей казалось, что сад несет слишком большие и неоправданные расходы, например, на сторожа и на должников, за которых платил весь сад. Все это они вчера несколько часов обсуждали с Леной, и та поделилась с Галей своими тайными планами. Их-то она и обдумывала, когда к ее даче подъехала машина сына.

Первым о приезде сына хозяйке сообщил Акела, ее любимый пес. Его называли так же, как знаменитого волка из детской сказки, потому что он любил сидеть на очень длинной привязи, вытянув передние лапы вперед и положив на них голову, как египетский сфинкс, молча и внимательно рассматривая каждого проходящего мимо человека. Акела оказался очень умным псом, хозяйка не помнила ни одного случая, чтобы он залаял зря. Вот и сейчас он не гавкал, а радостно бил хвостом по земле, перебирая лапами, и гремел цепью.

Из машины вышел сын Галины Андрей с женой Татьяной. Они жили в поселке Исток, в своей квартире, а на выходные навещали в гости к маме на дачу. Иногда Таня не приезжала к свекрови, а Андрей приезжал постоянно.

– Мама, привет! Как дела? – спросил он, заходя во двор.

– Да нормально все, но у меня есть новости. Заходите в дом, расскажу.

– Сейчас, только вещи из машины захватим, – откликнулась невестка.

Андрей с Таней поженились уже около пяти лет назад, детей пока не заводили, жили, как говорится, для себя. Каждое лето ездили отдыхать за границу, побывали в разных странах, но последние два года повадились в Грецию. Андрей относился к заграничным вояжам по-мужски нейтрально, по большому счету, как всем мужчинам, ему не важно, где отдыхать – на даче, в Крыму или в Греции, но его жена просто грезилась греческими островами, увидев их один раз. Она даже подумывала через несколько лет купить себе маленький домик в Греции и переехать туда. Дома там стоили не очень дорого, особенно не в курортных районах, и за несколько лет вполне можно осилить такую покупку. Да еще и мать Андрея обещала им помочь деньгами. Она говорила, что раз она уже на пенсии, то ей многого не надо, вполне хватит и четырех дачных соток.

Ребята занесли вещи в дом, и все устроились на веранде.

– Ну, что там у тебя? – спросил Андрей.

– Вчера состоялось общее собрание садоводов, – немного торжественно начала говорить его мать, – и у меня хорошие новости.

– Да ругались, наверно, как всегда, – махнул рукой Андрей. – У вас же ни одно собрание спокойно не проходит. Я вообще не понимаю, зачем ты туда ходишь, да еще и стала членом правления.

– Действительно, Галина Вячеславовна, денег вы за это не получаете. Все на общественных началах, – вступила в разговор невестка.

– Вот все вы на деньги меряете, – слегка с досадой заметила Галина.

– Конечно, сейчас все измеряется деньгами. Тем более что они нам сейчас нужны.

– Хватит, меня послушайте! Вчера на собрании старую председательницу нашего сада уволили, и правда, толку от нее никакого, ни телилась, ни мычала. Угадайте, кого вместо нее поставили?

– Ну, подружку вашу, Елену Юрьевну, казначея вашего. Она, мне кажется, уже давно садом негласно руководит, – усмехнулась Таня.

– А вот и не угадала. Теперь председатель сада «Шахтер» – я! – с гордостью провозгласила женщина.

– Ну, ты, мать, и вляпалась! – с досадой произнес Андрей. – И зачем это тебе?

– Ничего вы не понимаете. Теперь тут я – первый человек, да еще и деньги за это получать буду!

– Да какие там деньги... Сколько ваш председатель получает?

– Шестьдесят тысяч в год.

– Ерунда, это всего пять тысяч рублей в месяц, – быстро подсчитала невестка. – Даже минималки нет.

– Все плюс к пенсии, да и раньше я все бесплатно делала, а теперь – за деньги.

– Мама, ну какие там деньги, – снова повторил Андрей. – Даже ваш сторож больше получает, причем в два раза.

– Со сторожем я разберусь. Тут разговор особый. Ладно, мне нужно заняться делами, а вы тут оставайтесь и хозяйничайте.

Хотя Галина Вячеславовна и не показала вида, но ее кольнуло, что родственники не порадовались за нее. Все жизнь она проработала нормировщицей на заводе, обсчитывала технологические процессы по составленным инструкциям, и даже повальное увлечение компьютерами и век новых цифровых технологий ничего нового в ее работу не внесло. Она ни разу не побывала даже плохоньким начальником и до пенсии просидела на своем месте как мышь под метлой. Работать Галина перестала в первый же день после выхода на пенсию, и ни секунды об этом не пожалела. Как раз в это время на нее неожиданно свалилось наследство от дяди – дом в коллективном саду. Поначалу она хотела его продать, слишком много хлопот, но потом решила попробовать, да и сама она вряд ли когда-нибудь приобрела бы участок в саду.

И вот сейчас женщина чувствовала, что настает ее звездный час. Она провела на пенсии уже два года, и ей хотелось чем-нибудь заняться. Кроме того, лишние деньги тоже не помешают, тем более что дети стали заговаривать о недвижимости за границей. Пенсию Гале платили небольшую, и сын каждый месяц подбрасывал ей деньжат, чтобы она не тратила свои сбережения. Но раз они нацелились на дом за границей, то женщина понимала, что они не только денег ей перестанут давать, а еще и будут рассчитывать на ее деньги. Хотя в глубине души женщина считала эту идею с домом за границей исключительно блажью невестки, но ради сына помалкивала, и даже согласилась им помочь, распочав свою «кубышку».

«Ничего эта молодежь не понимает, все какие-то планы нереальные строят, – думала про себя новая председательница, направляясь к дому Елены Юрьевны. – Займемся лучше делами».

Андрей с Татьяной остались дома. Новость не произвела на них особого впечатления, молодежь вообще не склонна обращать много внимания на пенсионеров. Им почему-то кажется, что сами они пожилыми никогда не будут, а всегда останутся молодыми.

– И что ты скажешь? – только спросила у мужа Таня.

– На счет того, что мать стала председателем сада? Да ничего, пускай попробует. Ей всегда хотелось в начальниках побывать, так хоть на пенсии получилось, а то сидела всю жизнь на своем заводе...

– А на наших планах это не отразится?

– Наоборот, ей же зарплату теперь платить будут. Так что может, все и неплохо устроилось.

Надежда, сторож «Шахтера», как обычно делала утренний обход всего сада с собакой. Сегодня она выгуливала таксу, свою любимицу. Обход совершался два раза в сутки, утром и вечером, по каждой улице, так, чтобы пройти мимо каждого участка. Тут Надежда преследовала две цели. Первая, чтобы проверить, все ли в порядке на участках, и вторая – показать всем, что сторож без дела не сидит. А то в последнее время по саду стали распространяться разные слухи, и до Нади они, конечно, доходили, что она получает зарплату сторожа ни за что. Тем более что некоторые соседние сады вообще отказались от сторожа, поставив автоматические ворота. И Надежда чувствовала, что над ней тоже начинают сгущаться тучи.

«Да, у нас нет ворот, – думала она, неспешно двигаясь по дороге, ведущей вдоль дач, – но ведь главное – не ворота, главное, что на участках происходит. За ворота любой может заехать, а я тут уже почти пятнадцать лет живу, всех знаю. Знаю, кто здесь постоянно живет, а кто только на выходные приезжает. Это все старухи воду мутят, особенно бывшие председательницы. И новая что-то явно замышляет, вчера меня все строжила, что мало обходов делаю, надо не два раза ходить, а постоянно. Только Елена Юрьевна не косится на меня, а наоборот, всегда улыбается. А где я буду жить, если меня уволят из сторожей?»

Вопрос этот был совсем не праздным. Надежда работала сторожем в коллективном саду без малого уже пятнадцать лет. Появилась здесь она незаметно, глубокой зимой. В это время года садоводы на Урале редко навещают свои «райские садовые кущи». Разве что приедут пару раз за долгую зимнюю пору проверить свои владения, почти полностью засыпанные снегом. В начале двухтысячных годов на дачных участках еще не возникла мода строить большие капитальные жилые дома, в которых люди могли бы жить круглый год.

Надежду судьба забросила к «черту на кулички», в старый дом сторожа коллективного сада, аж из теплого южного Казахстана, из удобной и обжитой трехкомнатной квартиры. Ее Надя заработала честным трудом на стройке, горбатаясь всю жизнь штукатуром-маляром. Квартиру она получила от государства, тогда еще СССР. Государство дало, оно и забрало, фактически отказавшись от своих граждан, живших на территориях бывших советских республик. Конечно, в Казахстане события по вытеснению русских не протекали так стремительно и страшно, как в других бывших союзных республиках, но результат оказался все равно плачевным.

Надежда вспомнила, как стояла перед покосившимся и необитаемым домиком сторожа и молила судьбу, чтобы у нее была возможность хотя бы в нем зацепиться за жизнь в России. Все случилось накануне Нового года, и ей так хотелось встретить его в «своем» доме. Она уже несколько дней бегала по коллективным садам, благо их тут было много, и униженно просилась на работу. Спасибо, что ей посоветовали такой способ устроиться добрые люди, когда она отмечалась в иммиграционном пункте. Ей сказали:

– Иди сторожем в какой-нибудь коллективный сад. И жилье, и работу получишь одновременно. Ищи сады рядом с городом, но не по железнодорожной ветке, а вдоль больших магистралей на выезде из большого города.

«Шахтер» стал не первым садом, куда она обратилась, но сегодня ей должно повезти. Так и случилось. Дом председателя этого сада стоял рядом с домиком сторожа, и сам председатель именно сегодня приехал сбрасывать снег со своей теплицы, чтобы она не повредилась от снега.

– Здравствуйте, уважаемая, – обратился к ней пожилой мужчина. – Я вижу, вас сильно заинтересовала наша сторожка.

– Добрый день, – с замиранием сердца ответила Надежда. Дело шло к полудню, неяркое зимнее солнце скромно выглядывало из-за облаков. – Мне посоветовали искать работу в садах, вот я и бегаю по домам сторожа, вдруг чего подскажут.

– Здесь вы можете долго простоять, никто не покажется. Наш домик пустой стоит. Наш алкоголик-сторож нашел себе женщину в поселке и сбежал к ней. Я, кстати, председатель сада «Шахтер», Федор Кузьмич.

– Может, меня на его место возьмете? – тихо спросила Надя.

– А что? Можем и взять. Женщины – они надежнее многих мужиков, – усмехнулся председатель.

– Вы меня не обманете? – со страхом уточнила Надежда. – Меня уже много раз обнадеевали, но все обещаниями и заканчивалось.

– Считайте, что сегодня вы вытащили счастливый билет.

Женщина более внимательно посмотрела на своего собеседника. Крепкий мужчина, высокого роста с крупными чертами лица, особенно выделялись выпуклый лоб и нос с аккуратной горбинкой, живость характера подчеркивали веселые глаза.

– Вы шахтер, что ли? – неожиданно спросила Надежда. – Вроде бы не похожи.

– Я такой же шахтер, как вы балерина, – усмехнулся тот. – всю жизнь проработал в проектно-институте, просто мы часто делали документацию для шахт, поэтому такое название для сада и придумали, когда его закладывали. После того как вышел на пенсию, пришлось заняться садоводческими делами, кому-то надо. В общем, сторож нам нужен, – вернулся к делу Федор Кузьмич, – пригляд за садом особенно зимой необходим. Пойдемте, я вам домик сторожа покажу. Он с виду неприглядный, но внутри все для жизни приспособлено, печка большая, и дров с лета много заготовили.

– Я хоть сегодня готова заехать, а то мы в общежитии пока остановились. – Надежда сказала «мы» и в испуге остановилась. – Я не одна, нас трое: дочка и внучка, она совсем еще маленькая.

– Да я уже понял, что вы не только за себя бегаєте.

Во время разговора председатель открыл дверь в сенки и, пройдя их по диагонали, они оказались в просторной комнате. Внутри все смотрелось действительно неплохо: большая комната, из которой вели две двери – в кухню и в маленькую спальню.

– Мне нравится, – сразу же заявила Надя. – Нам подойдет.

– А про зарплату почему не спрашиваете? Или вам так допекло, что уже все равно?

– Да я согласна на любые условия, нам лишь бы осесть на постоянное место.

– Мы вас не обидим, все, что положено по Уставу и согласно смете, обеспечим. Перед Новым годом даже небольшой аванс выдам.

– Спасибо вам большое! Я знала, что мне сегодня должно повезти.

В течение пары часов все формальности были закончены: Надежда написала заявление, подписала договор-соглашение о выполнении обязанностей по охране сада. Переезжать она решила завтра, хотелось, конечно, прямо сегодня – но на Урале зимний день короткий. С ключами от своего нового дома Надежда ехала в автобусе в город и думала о том, что, кажется, наконец-то ей повезло, она нашла работу, и закончились ее мучения.

Погрузившись в свои мысли, женщина почти обошла все территорию «Шахтера». Такса бежала немного впереди, помахивая своим маленьким хвостиком, и поминутно оглядывалась

на хозяйку. Вдруг собака резко встала, как вкопанная. Надежда привычно дернула ее за поводок и проворчала:

– Ну, что ты встала? Пошли.

Собака не двигалась с места, она чуть припала к земле и внимательно смотрела на высокую траву на участке, мимо которого они как раз проходили. Женщина хорошо знала этот участок, он стоял заброшенным уже несколько лет. Хозяева появлялись здесь раз в год, осенью, платили за дачу, скашивали выросшую за лето траву и снова исчезали на целый год.

Надя подошла ближе к невысокому забору, его построили из штакетника с большими расстояниями между досками, и участок хорошо просматривался. Трава уже вымахала высокой и казалась нетронутой. Дом стоял закрытым. Надя посмотрела на свою собаку – такса не лаяла, просто стояла рядом и пристально всматривалась в глубину участка. Надежда решила, что ее питомица учуяла какую-то живность, та почему-то была равнодушна к лягушкам, всегда их выискивала и пыталась с ними поиграть. Вокруг все казалось спокойным и смотрелось, как всегда, поэтому женщина решила не заходить на чужой участок и не проверять его. Она потянула таксу за поводок, и та с охотой подчинилась – видимо, лягушка ускакала. Они продолжили свой обход.

Катерина и Сабира как раз в это время взбирались на Бессонову гору в Сысерти. Майя Нургалиевна с мужем решили остаться у плотины на берегу речки, подъем в гору их не очень привлекал. А вот подруги не смогли отказать себе в удовольствии взобраться на самую вершину горы. Туда вела хорошо утоптанная дорога, правда, она сильно петляла по склону, и подъем оказался очень крутым. Поднимались девушки с трудом, но им повезло – внизу, у подножья горы они незаметно присоединились к экскурсии, которых в Сысерти всегда очень много в любое время года.

Подруги тихонько плелись в хвосте группы и внимательно слушали пояснения экскурсовода. Они прошли мимо фигуры бабки Синюшки. Местная молва с легкой руки какого-то шутника прозвала ее «бабушка со скандинавскими палками». Эти впечатления казались совсем не случайными. Фигура изображала бабушку в платке с вытянутыми руками, которые тянулись к камышам в рост со старухой. Издалека складывалось полное впечатление, что это лыжные палки, за которые она держится. К тому же бабка Синюшка обращала на себя внимание зверским выражением лица, которое, по наблюдениям Катерины, отличает почти всех занимающихся этим видом спорта. Но в отличие от них, «палки-камышы» ей, похоже, не мешали.

Они прошли мимо более классических фигур Серебряного копытца и барельефа П. П. Бажова и медленно поползли в гору. Экскурсовод, молодой парень, очень увлеченно рассказывал интересные вещи. Особенно подругам запомнились две истории: про шлак и легенда о золотых самородках и Великом Полозе.

– Обратите внимание на то, что лежит у вас под ногами, – громко вещал в мегафон экскурсовод. – Вам должны попадаться маленькие острые камешки. Они бывают разных цветов: темно-зеленые, не путайте их с малахитом, коричневые с маленькими искорками и просто черные. С одной стороны эти камешки гладкие, как будто отполированные. Это все старый заводской шлак.

Вся толпа экскурсантов сразу стала внимательно вглядываться себе под ноги и искать разноцветные камешки, упомянутые гидом. Многим повезло. Кате и Сабире тоже досталось по коричневому и зеленому камешку, они сразу спрятали их себе в карман.

– Самый редко встречающийся шлак – это коричневый, а больше всего здесь черного. Лет десять назад вся дорога на гору и весь берег реки были просто усыпаны шлаком. Но с тех пор его значительно поубавилось. Видимо, гиды и местные жители распустили слух, что эти разноцветные камни приносят удачу. И туристы за несколько лет растаскали весь шлак на сувениры.

– А правда, что он удачу приносит? – громко задал вопрос кто-то из туристов.

– Не знаю, насчет удачи, но у меня дома тоже лежат три камешка – зеленый, черный и коричневый, – улыбнулся гид.

Экскурсия продолжалась, и все увлеченно ползли в гору, не взирая на возраст. Правда, через несколько минут ряды экскурсантов несколько поредели, кое-кто остался в небольшой белой беседке, которая стояла чуть в стороне от дороги, ведущей на вершину.

– Река Сысерть – золотоносная, – продолжал рассказ молодой гид, – в ней всегда старатели намывали золотишко. Причем, золото здесь водилось не просто в виде крупинок, а попадались и настоящие золотые самородки. Про Великого Полоза, наверно, все слышали?

– Конечно, слышали. Только сказки это все, – раздались голоса.

– Не сказки, а сказы. Я вам сейчас расскажу сказ, который вы точно нигде не слышали. Это сказ о Золотой долине – царстве Великого Полоза, рассказывают его на Южном Урале. Есть там озеро Тургояк, обрамленное горами. И на одной из них очень давно стоял Полозов дворец. Дворец этот построили, конечно, из золота, и охраняли его десять гадюк. Сам Полоз в длину достигал тридцати аршин и в ширину три аршина. Это примерно двадцать метров в длину. Вокруг дворца шумели непролазные леса, бегали звери, летали птицы, а еще вокруг стояло очень-очень много муравейников. Муравейники выглядели совсем не так, как сейчас, они казались просто огромными, величиной с избу и стояли почти под каждой сосной. И сами муравьи в них жили тоже большие, под стать своим домам. Но вот однажды случилась беда. Полоз всегда жил в своем дворце и никуда оттуда не выползал. Но однажды, то ли старым он стал, то ли что-то еще произошло, но выполз он наружу и ринулся напролом через лесную чащу, и при этом начал давить муравейники направо и налево. Потом Полоз нагулялся и вернулся обратно в свой дворец. Но передал он множество муравьев, и многие их жилища с землей сравнял.

А жил в одном из муравейников муравьишка, смелый и проворный, который успел спрятаться под корнями огромной сосны и так спасся от безумного Полоза, но остался он после бедствия один-одинешенек. Вылез муравей, поглядел кругом, поплакал, а когда взошло солнышко, пополз искать оставшихся в живых и поднимать их на войну против Полоза. Собрал он за пять дней огромную рать, и они черной рекой потекли к дворцу. Полоз в то время спал, а гадюки его охраняли. Увидели они муравьиную несметную рать, зашипели, разбудили остальных змей. Но муравьи накинулись на них и облепили их со всех сторон. Ведь недаром говорят в народе: «Бывает, что муравей и льва может одолеть!». Победили муравьи войско Полоза, и его самого из дворца выгнали. А дворец золотой Полоза они по крупинке разобрали и по всей земле растащили, да зарыли в землю поглубже. Вот откуда у нас в земли теперь золотые самородки встречаются.

– Необычная история, – проговорила женщина, стоящая рядом с Катей. – Я такой никогда не слышала.

– Кстати, Бажов тоже ничего не придумывал, – продолжал увлеченно рассказывать молодой гид. – Он собирал истории и рассказы старых заводчан и старателей. Конечно, они иногда присочиняли что-то, но в основе своей – это правдивые истории. И бабка Синюшка, и Серебряное копытце, и Полоз, скорее всего, имели какие-то реальные прототипы. Причем существа эти – исключительно жители Уральских гор, ведь ни в одном фольклоре мира нет таких персонажей, чтобы он копытцем выбивал из земли самоцветные камешки. А есть еще сказ о девке-Азовке. Слышали?

– Нет, расскажите.

– Азовка стережет клады Азов-горы также, как и хозяйка Медной горы оберегает сокровища Уральских гор. Девка-Азовка то ли жена атамана разбойников по фамилии Азов, то ли татарская царевна. Иногда она показывается людям, особенно приглянувшемуся ей доброму молодцу. Об этом рассказывали заплутавшие на покосах мужики. Она особенно оберегает Азов-гору, под ней, поговаривают, есть ключ-родник. А в этом ключе не вода течет, а слезы

Азовки, которые она льет от одиночества. Иногда она любит зажигать огонь на вершине горы, приманивая к себе путников. Еще говорят, что в этой Азов горе есть пещера с сокровищами несметными, среди них даже хранится Денежкина ступа, где есть все-все минералы Урала, только попасть туда никто не может, чтобы войти в пещеру нужно иметь что-то.

– Что иметь? И кто такой Денежкин?

– Денежкин – главный богатырь. А насчет того, что иметь, тут разное говорят. У этого мифа много версий.

– Про Великого Полоза еще расскажите, – попросил кто-то из группы.

– Да, есть на Урале такой полоз. В архиве Свердловской области есть интересные документы, связанные с ним. В 70-х годах XIX века горный инженер, проезжая на тройке мимо этих мест, увидел пересекающую дорогу огромную змею. Тройка остановилась и стала в испуге пятиться. Инженер вернулся в соседнюю вогульскую деревню и просил местных вогулов вместе с ним убить змею. Вогулы отказались – такая змея являлась для них священной. Тогда он сам стал преследовать ее и убил, выстрелив ей в голову. Так вот змея оказалась в длину около шестнадцати метров.

– Жаль, что проверить нельзя, – сказала женщина. – А что, змея эта золотая была?

– Нет, говорят, серая или черная. А вот в 1925 году рабочие Нижнеисетского завода пытались поймать сетями огромную змею золотистого цвета с большим пятном на лбу, но она перепрыгнула через сеть и ушла. Еще есть записки исследователя народа манси, в них он пишет о змее, которую охотники называют «ялпий уй» – «священный зверь», длина ее может достигать до пятнадцати метров, она красного или бурого цвета с зигзагообразным рисунком на коже. Вообще, судя по рассказам, полоз этот обитает в Свердловской и Челябинской областях, для жизни ему нужна вода, поэтому его часто видят вблизи рек, озер, болот, а Челябинская область от нас недалеко и славится своими озерами. Спит он часто не на земле, а на деревьях, и после ночевки на них остаются следы от чешуи. Кстати, в документах есть упоминания о том, что в притоках реки Чусовой также живет огромная змея, которая даже нападает на рыбаков. В девятнадцатом веке эта змея даже якобы съела двух рыбаков, об этом остались записи в местных хрониках.

– А почему Полоза называют Золотым?

– По преданиям он – хозяин всего золота на Урале. А ведь Уральские реки славятся самородным золотом, здесь его много добывали, и самородки золотые тоже часто встречались. Так что золото на Урале водится, и почему-то легенды связывают его именно с полозом. У нас на заводе до сих пор историю пересказывают, как однажды старатели разозлили Полоза – золота слишком много намыли, вот он и решил силушку свою показать. Говорили, что Полоз появился из-за вершины этой горы, на которую мы с вами поднимаемся, его голова возвышалась над горой, он сверху оглядывал свои владения, а туловище и хвост на два раза обогнуло всю гору и в темноте светилось золотым. Говорят, тогда Полоз выглядел очень рассерженным. Кстати, с тех пор золота на Урале стали добывать меньше. Полоз, судя по легендам, может приползти на место золотых россыпей, ночью там полежать, все золото к себе притянуть, а потом уползти, и золота больше на этом месте больше никогда не будет, даже жилы золотоносные куда-то деваются.

Все притихли и представили Великого Полоза на вершине горы. Почему-то верилось в это очень живо. Перед глазами Катерины невольно нарисовалась вся картина: темнота, возвышающаяся гора, а над ее вершиной – голова огромной золотой змеи, готовой броситься на завод и селение рядом с ним. Девушка поежилась, хотя вокруг стоял солнечный и жаркий день.

Так, незаметно, за рассказом вся группа добралась до вершины. Там оказалась небольшая полянка, поросшая невысокой жесткой травой, в разные стороны вниз вились извилистые и крутые дорожки. При виде их в голову приходили мысли, что не люди проторили эти дороги, а гигантский полоз своим подбрюшьем, проползая с вершины, проложил себе дорогу. Кое-кто

даже стал подозрительно оглядываться, видимо, вспомнил рассказ экскурсовода о разгневанном Полозе, хозяине местных золотых богатств.

Сверху открывался великолепный вид, вся Сысерть лежала как на ладони. С одной стороны хорошо просматривалась излучина реки и плотина, по берегам реки рос густой лес. При взгляде на эту картину казалось, что свободно текущую реку резко остановили деревья – так неожиданно она в них упиралась. Лес стоял до горизонта. Было ощущение, что за Сысертью вообще нет человеческого жилья, а вплоть до Дальнего Востока простирается один лес.

Но самое главное, конечно, крест. Он стоял четко посередине вершины на постаменте, выше человеческого роста, а сам крест возвышался вверх на несколько десятков метров. Крест поставили на горе в начале 90-х годов прошлого века в честь Сысертского горнозаводского округа. Крест просматривался из любой точки окрестностей Сысерти, и явно служил любимым местом паломничества толп туристов и местных жителей. Группа разбрелась по вершине горы, кто-то присел на камешек отдохнуть, кто-то спустился чуть ниже, нашел землянику, растущую среди нескольких деревьев, и стал лакомиться спелыми ягодами. Катя и Сабира подошли к краю поляны и залюбовались видом текущей реки.

– Как ты думаешь, здесь золотые самородки еще можно найти? – неожиданно спросила Сабира у подруги.

– Да ты что! Все, что можно, уже давно нашли. Вон сколько здесь народу бродит, – рассмеелась та.

– А раньше?

– Ну, раньше-то, конечно, находили. Нам же рассказывали, что здесь даже крупные золотые самородки встречались.

В это время экскурсовод собрал свою группу, и они стали спускаться гуськом вниз по одной из самых пологих дорог, ведущих с вершины горы. Сабира и Катерина последовали за ними. Неожиданно сзади раздался громкий шум двигателя. Все с недоумением оглянулись – никто не ожидал увидеть на вершине горы машину. Сверху к ним на большой скорости приближался квадроцикл, его вел молодой мужчина, на коленях которого, вцепившись в руль, сидел испуганный мальчишка лет пяти. Ребенок орал от испуга, глаза его выпучились, отец же его был в восторге, он, похоже, вообще не осознавал, что сын находится на грани истерики.

Группа туристов быстро отошла на обочину дороги, чтобы пропустить сумасшедшего отца с несчастным ребенком, и неодобрительно посмотрела им вслед.

– Это наше городское развлечение. Зимой они катаются с горы на лыжах, а летом на квадроциклах и мотоциклах, – пояснил экскурсовод. – Особенно любителям острых ощущений нравится кататься с горы ночью в полной темноте.

Сабира и ее подруга спустились быстрее остальных, и еще издали увидели Майю Нургалиевну с мужем. До вечера они еще успели съездить на пляж, окунуться в речку Сысерть, посетить завод и магазин фарфоровых изделий – кстати, единственный на Урале, зашли в местный хлебный магазин, и довольные и усталые отправились домой.

Вечерний обход вверенного ее попечению сада Надежда начала поздно, когда уже почти стемнело. Стоял воскресный вечер, и некоторые дачники уехали в город – завтра многим на работу. Остались только пенсионеры со своими внуками и отпускники, которым не повезло, и они не оказались на заграничных курортах или, в крайнем случае, в Крыму.

Надя не торопясь шла по опустевшим и темным улочкам сада. В этот раз она взяла с собой овчарку – обычно она брала ее на вечерние обходы. Наيدا бесшумно бежала рядом с хозяйкой, грациозно выкидывая вперед передние лапы, как могут бежать только овчарки. Они уже обошли несколько улиц, и не встретили ничего подозрительного – ни незнакомых людей, ни посторонних шорохов. Надежда специально медленно прошла мимо того дома, где утром задержа-

лась ее любимица. Найда же, проходя мимо него, даже ухом не повела в ту сторону, и хозяйка окончательно успокоилась.

Они прошли еще несколько улиц, и уже собирались выйти на дорогу, которая вела вокруг сада. Здесь стояло еще несколько заброшенных участков. Вдруг около одного из них собака резко остановилась, приняла охотничью стойку и глухо зарычала.

Глава 3

С середины недели погода начала портиться. На небе появились тучки, солнце исчезло, и все стало скатываться к дождю. Да и синоптики вносили свою лепту в ухудшение погоды, объявляя, что к концу недели погода окончательно перестанет быть летней. Надо сказать, что на Урале – это тренд. В пятницу вечером погода неизменно ухудшается, причем температура может за одну ночь упасть сразу на десяток градусов, и все выходные идет дождь. А в понедельник утром выглядывает солнышко, и значительно теплеет. Так продолжается ровно до следующей пятницы, и цикл повторяется заново. Иногда за весну и лето на Урале на выходные выпадает летняя погода всего пару раз за сезон. И эти выходные, в отличие от предыдущих, не стали исключением.

Но, не смотря ни на что, утром в субботу все садоводы исправно потянулись на свои дачи. В основном, люди едут на дачу на личном транспорте. Дорога в сад «Шахтер» проходила мимо дома сторожа, и пользовались ей многие садоводы из соседних садов: «Южного», «Архитектора», «Буровика». Дорога была не очень широкой, разъехаться на ней порой становилось трудно, особенно в плохую погоду, часто приходилось останавливаться на обочине и пропускать встречные машины. При въезде в «Шахтер», как раз у дома сторожа, имелась небольшая квадратная площадка, на которой любили оставлять машины разъезжающиеся встречные автомобилисты. А некоторые водители стали использовать эту площадку и просто как стоянку. Это вызывало резкие протесты сторожа Надежды. За много лет обитания в домике сторожа, она стала считать его своей собственностью, причем не только сам домик, но и площадку рядом с ним тоже. За нее-то она и решила побороться. Первым новшества заметил и даже ощутил на себе дядя Сабиры.

– Представляете, я сейчас не смог разъехаться со встречной машиной, – рассказывал он за ужином.

Вся семья расположилась на крытом крыльце, в беседке стало ужинать слишком промозгло.

– Где не смог разъехаться? – не поняла его жена.

– Да тут, у нас в саду, у дома Надежды, сторожихи нашей.

– Там же вроде бы дорога достаточно широкая.

– А там кто-то покрывки по всей ширине дороги разложил, и на эту удобную площадку уже нельзя заехать. Поэтому мне пришлось сначала пятиться задом, а потом специально останавливаться и убирать покрывки и бревна. Интересно, зачем их положили?

– Ну, наверно, чтобы на этой площадке машины не вставали, – разумно предположила Сабира.

– Эй, хозяйева, вы дома? – раздался от ворот громкий женский голос.

– Дома мы. Заходи, Аня.

К крыльцу, где под крышей расположились хозяева и их гости, подошла женщина средних лет. Внешне она выглядела еще достаточно молодо, но все впечатление от ее высокого роста и хорошей осанки портила уже слегка расплывшаяся фигура и полная небрежность в одежде. В глаза сразу бросался яркий маникюр, частично облезший. Маникюр она явно делала в салоне – лак был яркий, дорогой, каждый ноготь покрывался тоном, чуть отличающимся от другого. С таким маникюром совсем не сочеталась грязная порванная футболка и вытянутые трикушечные штаны. Конечно, у себя на огороде женщины-садоводки не придерживаются изысканного стиля в одежде, но у Ани случился явный перебор. Катя с Сабирой узнали эту женщину – они видели ее на собрании неделю назад. Как оказалось, Аня жила через улицу от дома Майи Нургалиевны и частенько заходила к ней в гости, особенно когда ей хотелось посплетничать.

– Хочешь чаю? – предложила хозяйка.

– Да не хочу я чаю, у меня настроения нет. Представляете, у меня собаки потоптали всю рассаду капусты. А ведь я за каждый корешок на рынке заплатила. Прибила бы собственными руками.

– Что, вся капуста пропала? А откуда собаки взялись? – удивилась тетка.

– Черт их знает, откуда они прибежали... – ругнулась Анна. Чувствовалось, что ей хочется произнести более крепкое словцо, но в присутствии племянницы хозяйки она изо всех сил сдерживалась. – Хотя нет, я догадываюсь, откуда они прибежали, и все грядки мне потоптали, уроды. Вот такие следы на земле! Причем, это не одна собака, а целая их стая у меня на огороде резвилась.

– А откуда они? – спросила Катерина.

– Да это сторожиха наша псов разводит.

– погоди, Аня, она же их на привязи держит. Вон, они все на ее участке у дома сторожа сидят, она с ними обход делает каждый день.

– Это только те, на которых мы с вами деньги сдаем. А остальных она прикармливает, и они уже сбиваются в отдельную стаю. У нас же по документам в саду должно быть три собаки, а она уже, наверно, десяток других прикармила. Надо в спецслужбу звонить! – Аня казалась сильно рассерженной. – Вот я пожалуюсь новой председательнице, причем пожалуюсь письменно – слова к делу не пришьешь.

– Как они вообще к тебе на участок попали? – спросила Майя Нургаллиевна.

– Так у меня часть забора со стороны соседей упала. Надо починить, да папа Витя никак не соберется.

«Папой Витей» Аня называла своего мужа, Виктора. Он был старше ее лет на пятнадцать, и внешне походил на Винни-Пуха, но в отличие от него, не казался столь энергичным, и все делал как в замедленном сне. Так что забор в разобранном состоянии мог находиться еще очень долго.

– Я тебе могу своей капусты дать, но только уже осенью. Сама понимаешь, рассада вся посажена. Что, неужели все пропало?

– Ну, несколько кочанчиков осталось, но все равно придется покупать.

Аня еще долго и с удовольствием ругала собак и их любителей, а Сабира и Катерина стали убирать со стола.

Галина Вячеславовна, новая председательница сада, с Леной, казначеем, сидели в ее доме и обсуждали самые насущные дела сада. За последнюю неделю они очень часто виделись, практически каждый день. Галина с огромным удовольствием погрузилась в садоводческие дела. В своей жизни ей не удалось побывать даже маленьким начальником, она всегда считалась хорошим исполнителем, но никем большим. Есть множество людей, которые с удовольствием никуда не высовываются, а все время работают и живут под чьим-то руководством, и таких большинство. Галя всегда думала про себя, что она из их числа. Но оказалось, что – нет. Оказалось, ей нравится принимать решения самостоятельно, влиять на людей и события. Она с удовольствием заметила, что с ней стали все здороваться, больше общаться, к ней стали приходить люди со своими проблемами, причем не только связанными с садом, всех вокруг вдруг стало интересовать ее мнение по самым разным вопросам. Женщина поняла, что она получает от этого прилив энергии, даже какой-то внутренний кайф.

Но, как говорится, в каждой бочке меда есть ложка дегтя. Этой ложкой дегтя у председателя коллективного сада всегда считались должники. Именно эту проблему и обсуждала сейчас председатель со своим казначеем.

– Лена, объясни-ка мне еще раз, что у нас за проблемы с прошлым казначеем, которая работала до тебя?

– Тамара проработала в нашем саду казначеем всего два года, но дел наворотила много, – начала обстоятельно отвечать Елена Юрьевна. – Конечно, делала она это не одна, а при полной поддержке председательницы, которая была еще до Игоря. А после Игоря председателем стала Ирина. Ирина-то вообще ничего не делала, а Тамара еще при старой председательнице начала создавать дополнительные денежные фонды в саду. Она собирала деньги на межевание, на новую электрическую сеть, всякие там счетчики, кабели, провода и так далее. Но эти деньги на дело-то не ушли. Казначей их просто собирала, а потом всем сказала, что деньги потратили на другие нужды – там, на дорогу, на оплату электричества, на оплату должников.

– И что все садоводы сдавали деньги? – удивилась Галя. – Я вот не помню, чтобы сдавала.

– Конечно, не все. Я вот тоже денег не отдала, но кто-то же сдавал. И по моим прикидкам речь идет о паре сотен тысяч.

– Ничего себе!

– А ты как думала!

– То есть деньги они прикарманили.

– Ну, официально, нет. Казначей и председатель якобы обратились в какую-то фирму, занимающуюся межеванием, заплатили им.

– Что, сразу все деньги заплатили? Сначала же всегда дается аванс.

– А та фирма поставила условие, что им надо сразу сумму внести. И поначалу они даже стали что-то делать, а потом перестали на наши звонки отвечать. По крайней мере, они мне так рассказывали. Я ведь тогда еще казначеем не была, я как раз вместо нее и стала работать.

– А какими-то бумагами это подтверждалось? Можно ведь и в суд будет обратиться.

– А вот бумаги частично пропали.

– Как пропали? – не поняла Галина Вячеславовна.

– Как говорит казначейша Тамара, – Лена подчеркнула эти слова, – ее муж, растапливая печку, по ошибке сжег большую часть бумаг, и в том числе все корешки на оплату услуг фирмы. И, как говорится, концы в воду.

– Очень странное объяснение, – покачала головой новоиспеченный председатель сада.

– Конечно, странное. Но ведь никак не подкопаешься.

– Слушай, а ведь в этой фирме должны остаться документы, договор, в конце концов. Для суда должно хватить.

– Фирма-однодневка, – махнула рукой казначей, – ее уже давно не существует. Да и кто с ними судиться будет? Ты вот в суд пойдешь? Должен же идти представитель от сада, и лучше, если это будет председатель.

– Пойду. От имени всего сада и пойду.

– Я помню, что правление ходило в прокуратуру, но дело так и не открыли. Тут нужен настойчивый человек, чтобы постоянно капать на мозги следователям. А кому охота за бесплатно это делать?

– Ладно, я этим займусь, – пообещала Галина.

– У нас есть еще одна большая проблема, и она будет поважнее украденных целевых взносов – это должники.

– У нас их так много?

– В саду «Шахтер» сто пятьдесят участков, из них должников – целых тридцать участков. Причем, это махровые должники. Кстати, наша бывшая казначейша – одна из самых злостных должников.

– Да ты что! Она еще и должница!

– Ага, она принципиально отказалась платить за сад, когда ее сняли с должности казначея. Кстати, у нее два участка, и она уже несколько лет за них не платит.

– И что с этими должниками можно сделать? Только реально?

- Да сейчас мы их можем только от электричества отключить. И то страшно.
- Почему страшно? – не поняла женщина.
- Мы тут попробовали одного отключить. Так он бегал по саду, всем угрожал, потом все-таки внес часть денег, минимальную, и его пришлось снова подключить. В общем, это большая нервотрепка.
- Но ведь эффект-то есть. Просто этим надо заниматься.
- Сначала должников надо предупредить, – сказала Лена.
- А давай сейчас лично сходим к этой самой Тамаре, и предупредим ее об отключении, если она не заплатит долг за сад.
- Может, надо бумагу какую-нибудь написать? – засомневалась казначей.
- Пойдем и устно потребуем оплатить долг и пригрозим ей, что в противном случае мы отключим ее участок от электричества. Она ведь сейчас здесь, на даче?
- Да она тут все лето живет. Отгрохала себе такой домище!
- Вот и сходим. И по дороге еще к парочке должников зайдем.

После дневного обхода сада Надежда, привязав собаку у будки рядом с домом, отправилась за хлебом. Недавно в «Шахтере» открылось два магазинчика в разных концах сада. Строго говоря, их даже нельзя назвать магазинами в полном смысле этого слова. Раньше они назывались продуктовыми лавками. Один из них держали русские, второй – армяне. Русский магазин находился в небольшом старом полуразвалившемся домике, на внешний вид – почти в сарае. Там дежурила продавщица, все время находившаяся в легком алкогольном опьянении. Мужики на это внимания не обращали, наверно потому, что сами частенько пребывали в таком же состоянии, уже с утра заправляясь пивом. Поэтому когда покупатели заходили в этот магазин, там всегда в воздухе висел легкий аромат алкоголя. Женщинам такое не нравилось, и они предпочитали совершать покупки в другом месте.

Другой магазинчик организовала большая армянская семья, которая выкупила в коллективном саду сразу два рядом стоящих участка. На одном из них они разбили огород, а на втором построили огромный каменный дом, и первый этаж этого дома выделили под магазин. Дом посетители магазина замечали издали, его крышу покрыли ярко-голубой черепицей, которая блестела в солнечных лучах и сильно выделялась на фоне обычных невзрачных садовых домиков.

Сейфовая дверь армянского магазина всегда стояла закрытой. Чтобы попасть внутрь, покупатель нажимал кнопку звонка, здесь же, рядом с кнопкой, висел и номер мобильного телефона владелицы магазина и, по совместительству, его продавщицы. Покупатели могли прийти в любое время суток, даже ночью, позвонить по мобильному телефону, и купить нужный товар. Правда, садоводы, конечно, этим не злоупотребляли, и ночью в магазин ходили редко. Однако поздно вечером или рано утром здесь всегда продавался свежий и вкусный лаваш. Армяне пекли его сами в своей печке, он получался у них пышным, с легкой горчинкой и золотистой нижней корочкой.

Надежда, конечно, пошла за лавашем к армянам. Дверь в магазин на этот раз стояла открытой, а за прилавком пристроилась сама хозяйка. Надя, как сторож сада знала всех продавщиц в округе, а с армянской семьей даже поддерживала дружеские отношения. Хотя на Надю это было непохоже, она редко заводила себе друзей, в лучшем случае просто «поддерживала отношения», как она сама это называла. Но здесь женщина изменила своим принципам. Армяне жили в чужой стране, в садах вокруг больше представителей их диаспоры не селилось, и поэтому они хотели сохранить свой маленький бизнес, привечали окрестных садоводов, их дети ходили в школу в поселке и дружили с местными ребятами. А уж с Надеждой, как со сторожем сада, им сам Бог велел дружить.

– Добрый день, Надя! – воскликнула Гульнара. – Ты вовремя! Я тут как раз вытащила из печки горячий лаваш. Будешь?

– Давай мне три горячих лаваша и пачку чая, – как всегда немногословно ответила женщина.

– А у меня еще и расстегаи рыбные готовы.

– С какой рыбой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.